Фрекен Мод просила ее не беспокоить

Автор:
Хелена Турстен

Фрекен Мод просила ее не беспокоить

Хелена Турстен

В ожидании чуда

Годы идут, годы берут свое… у всех, но только не у нее. Попробуйте что-то забрать у фрекен Мод, и вам не поздоровится.

Ей 89, и она еще поторгуется со смертью, «малышка» Мод только распробовала жизнь и расставаться с ней точно не намерена.

У нее полно планов, и лучше вам ей не мешать. Ведь фрекен Мод настоятельно просила ее не беспокоить. Разве это так сложно? Просто оставить пожилую фрекен в покое, чтобы она могла доживать свой век, наслаждаясь прелестями одиночества. Но нет, назойливые людишки привыкли во все совать свой нос.

Хелена Турстен

Фрекен Мод просила ее не беспокоить

© Helene Tursten, 2020

© Николаева М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Престарелую даму настигают воспоминания

Плюхнувшись в свое кресло в салоне самолета, Мод издала шумный вздох облегчения. Она сама себе удивилась, так как в принципе не имела склонности к демонстрации эмоций. Теперь Мод принялась украдкой разглядывать соседа. Одетый в костюм молодой человек встал и принялся старательно запихивать элегантную ручную кладь черного цвета в багажный отсек. Настойчивые попытки ни к чему не привели – он так и не смог закрыть дверцу. Это хорошо – быть может, он и не обратил внимания на ее неожиданный всплеск эмоций. Откровенно говоря, тот вздох шел прямо от сердца. В последние месяцы Мод буквально выбилась из сил, но теперь ей стало казаться, что худшее позади. Теперь она наконец может расслабиться в предвкушении нескольких восхитительных недель в Южной Африке.

Все время своего путешествия Мод проведет в организованной группе, которую будет сопровождать шведоговорящий гид. Их ждет турне по Южной Африке – посещение различных достопримечательностей, пятизвездочные отели, ужины в мишленовских ресторанах, пять ночей в эксклюзивном бунгало в Национальном Парке Крюгера[1 - Национальный парк Крюгера является крупнейшим и старейшим национальным парком ЮАР. Хорошо известен, как один из важнейших мировых охотничьих заповедников. Расположен в северо-восточной части страны на территории провинций Лимпопо и Мпумаланга.], и, разумеется, сафари – где они рассчитывают увидеть Большую Африканскую Пятерку[2 - Традиционное название пяти видов млекопитающих, являющихся наиболее почетными трофеями африканских сафари – слон, носорог, буйвол, лев, леопард.]. Также в программу тура было включено посещение виноградников и выезд на границу Замбии и Зимбабве, чтобы увидеть водопад Виктория и совершить круиз по реке Замбези. В заключение их ждет неделя в Кейптауне. Мод, конечно, раньше уже бывала в Южной Африке – целых два раза, но тогда она путешествовала в присущем себе стиле – в одиночку, останавливаясь в скромных, но чистых гостиницах, передвигаясь на поездах и автобусах.

Расстояния в этой большой стране были просто невероятными, поэтому Мод не успела увидеть и сотой части того, что изначально для себя планировала. А уж о сафари и думать не приходилось – такое она не могла себе позволить.

Мысль об этом шикарном путешествии постепенно вызревала в голове Мод во время летнего отдыха на побережье Хорватии. Почему бы ей не позволить себе осуществить эту мечту? Ей скоро стукнет 89, она бодра и здорова, не обременена наследниками. Однако надо признать, что возраст начинает брать свое. Откровенно говоря, Мод уже не могла таскать свой багаж на мало-мальски приличные расстояния по жаре, даже несмотря на то, что всегда путешествовала налегке.

Самолет, на борт которого она только что поднялась, должен был перенести Мод из Гётеборга в Копенгаген. Там Мод присоединится к остальным членам группы, которая отправляется в путешествие мечты с компанией «Саут Африка Гран Турс».

За стеклом иллюминатора все еще было темно. В лучах прожекторов аэропорта Ландветтер Мод различала большие мокрые снежинки, которые, медленно кружась, падали вниз. Они таяли, едва коснувшись поверхности земли, и оставляли на взлетной полосе мокрые пятна. «Через три дня будет Сочельник. Как хорошо убраться подальше от этого холода и предпраздничной суеты», – думала Мод. – И от этих упрямых полицейских».

Мысль о двух полицейских, позвонивших в ее дверь три дня назад, заставила сердце Мод биться чаще. Она не ожидала снова их увидеть, так как искренне считала, что расследование прекращено. Высокую женщину, которая, насколько помнила Мод, была заместителем комиссара полиции, звали Ирен Хюсс. Она с вежливой улыбкой попросила разрешения еще раз задать Мод несколько вопросов «относительно неприятного происшествия в августе». За спиной Ирен маячила молодая сотрудница, инспектор по имени Эмбла Какаятотам, с совершенно непроницаемым лицом. Однако взгляд ее ясных голубых глаз буравил Мод с такой силой, что та невольно отступила на шаг. Полицейские тотчас приняли это за приглашение войти, и прежде, чем Мод успела вымолвить слово, уже стояли в холле.

Мод машинально задействовала лучшую из своих защитных стратегий: прикинулась бестолковой старушкой. В тот же миг она поняла, что забыла прикрепить один из фальшивых слуховых аппаратов, которые использовала,

когда желала притвориться глухой. Поначалу Мод растерялась, но потом решила, что это ей будет даже на руку. Образ умственно неполноценной старушки от этого только выиграет.

– Полиция… Зачем вы пришли? Что-то случилось? – встревоженно спросила Мод.

Женщина по имени Ирен Хюсс успокоительно произнесла:

– Нет же, ничего нового не случилось. Мы с инспектором Эмблой Нюстрем просто хотим еще раз поговорить с вами об убийстве антиквара Уильяма Фраццена. Так как его тело было обнаружено в вашей квартире, мы хотели бы уточнить, быть может, вы смогли припомнить что-то еще…

– Что? Какое убийство? – взвился голос Мод.

– Уильяма Фраццена. Антиквара. Здесь, в вашей квартире.

Искусно добавив дрожания в голос, Мод оборвала ее:

– Ну уж нет! Я об этом даже думать не хочу! Об этом… ужасе!

Заместитель комиссара мило улыбнулась.

– Может быть, мы присядем и поговорим спокойно?

Голос Ирен звучал дружелюбно, но Мод было не провести.

Даже если доказательств у них не было, все равно эти полицейские подозревали ее в убийстве. Мод, по счастью, нащупала носовой платок в кармане своей старой, покрытой катышками шерстяной кофты зеленого цвета. И дрожащей рукой прижала платок к глазам. Затем, слегка всхлипывая, она проводила визитеров в кухню. Молча, такой же дрожащей рукой указала им на три венских стула, стоявших вокруг маленького круглого обеденного стола. Она не стала предлагать напитки. Не хотела, чтобы они почувствовали себя желанными гостями, и задержались дольше, чем это было необходимо.

Когда все трое устроились вокруг стола, Ирен Хюсс откашлялась, и спокойно поглядела на Мод, которая тут же вновь промокнула глаза платочком.

– Почти полгода назад тело Фраццена было обнаружено в бывшей курительной комнате вашего отца, – заговорила Ирен.

– В салоне. Она называется салоном, – приглушенно пробормотала Мод в платок.

– Прошу прощения. В салоне. Чтобы освежить память, сейчас я вкратце пробегусь по фактам, которые нам известны о событиях прошедшего августа. Все это здание было покрыто строительными лесами, а кое-где – декоративными полотнищами, так как предстоял ремонт фасада. Это, конечно, упростило задачу домушникам. Фраццен был в компании подельника, который вскарабкался по лесам и проник в кур… в ваш салон через приоткрытое окно. Затем подельник впустил Фраццена через входную дверь. С этим проблем тоже не возникло, потому что ключи висели в шкафчике, в прихожей. Преступники направились прямо в салон. Там они вместе принялись опустошать витрины с серебряными изделиями. Однако по некой невыясненной причине между ними возник конфликт. Подельник Фраццена атаковал его сзади. Когда впоследствии обнаружили тело, оно лежало на животе. На затылке Фраццена зияла обширная рана, нанесенная несколькими ударами. Орудие убийства валялось рядом с телом. Это была кочерга, которая прежде стояла у изразцовой печи. Фраццен упал головой прямо на решетку очага, и шпиль решетки, прошив насквозь его глаз, проник дальше, в мозг. Согласно отчету судебного медика, смерть наступила мгновенно. Все факты указывают на то, что Фраццен с подельником намеревались украсть коллекцию серебряных вещиц из витрин в салоне. На полу мы нашли большую сумку с несколькими предметами коллекции. Из ран на голове жертвы вытекло много крови, и посреди лужи мы обнаружили нечеткий след подошвы. Следы крови обнаружены также на подоконнике и на строительных лесах за окном. Подельник покинул комнату тем же путем, каким в нее проник. После совершенного убийства он выскользнул через окно. Очевидно, он запаниковал, так как, по вашим словам, все ценности оказались на месте.

Ирен замолчала и поглядела на Мод, которая все это время энергично терла платком вокруг глаз и носа. Поняв, что никакой реакции не последует, заместитель комиссара вновь заговорила:

– Этот подельник словно испарился без следа. Мы не знаем, кто это был.

Мод тихо и неподвижно сидела на своем стуле. Однако за ширмой носового платка мозг ее работал на полных оборотах. У полиции появились новые зацепки? Она что-то упустила? Несмотря на все ухищрения оставила следы своей ДНК? Лучше всего будет сохранять спокойствие и ждать.

– Вы смогли вспомнить, когда именно открывали окно в салоне?

– Что? – переспросила Мод, поднося руку к одному уху.

Ирен Хюсс терпеливо повторила свой вопрос. Мод лишь покачала головой и что-то невнятно пробормотала в носовой платок.

– Вообще не можете вспомнить?

Очередное отрицательное покачивание головой.

– Было бы очень полезно, если бы вы могли это вспомнить, потому что открытое окно обеспечило злоумышленникам вход в вашу квартиру.

– Вход? Кто будет платить за вход? – спросила Мод.

Когда заместителю комиссара пришлось уточнить вопрос, в ее голосе послышались отчетливые нотки раздражения.

Прежде чем ответить, Мод несколько раз прочистила горло.

– Значит… тогда они проникли через окно… Я не заходила в папину комнату… Ему не нравится, когда мы туда заходим… то есть я хочу сказать…

Мод выдавила из себя серию всхлипов и затрясла головой. До ее слуха долетел шумный вздох – похоже, его издала молодая сотрудница. Отлично, чем раньше им все это наскучит, тем лучше.

– Простите, не хотели бы вы надеть свои слуховые аппараты? Или хотя бы один из них. Если я правильно помню, в последний раз, когда мы с вами беседовали, у вас в каждом ухе было по машинке, – вымученно вежливым тоном проговорила

Ирен Хюсс.

– Слуховые… ума не приложу, куда они девались. Я искала… Должно быть, Шарлотта взяла их… Нет, конечно, это не она – она бы не смогла…

– Шарлотта? Кто это?

– Моя сестра. Она на одиннадцать лет старше.

– Одиннадцать лет… Ей должно быть около ста. Но она ведь не живет с вами? Она в каком-нибудь пансионате?

– Нет. Она умерла. Тридцать девять лет назад. Двенадцатого ноября, – без тени сомнения отчеканила Мод.

Полицейские переглянулись и синхронно вздохнули. Однако Ирен Хюсс, борясь с собой, терпеливо продолжила:

– Но вы ведь открыли это окно в какой-то момент до взлома?

Мод по очереди заглянула в глаза полицейских со страдальческим выражением на лице.

– Когда я вернулась домой из Сплита[3 - Город в Хорватии.], в квартире было душно. На улице стояла жара. Должно быть, я прошла по комнатам, и открыла несколько окон… только я не могу вспомнить, – дрожащим голосом вымолвила Мод.

– И в салон заходили?

– Не помню. Может быть.

– Труп Фраццена восемь дней пролежал на летней жаре. Запах заставил вас искать его источник, и так вы обнаружили тело.

– Ох, да! Не напоминайте мне об этом! – громогласно воскликнула Мод, подавляя рыдания. Затем она высморкалась так звучно, что между двумя старинными буфетами возникло эхо. Обе полицейских некоторое время молча за ней наблюдали. Потом снова заговорила Ирен Хюсс.

– Вы помните, как звонили комиссару Перссону три недели спустя после того, как обнаружили тело? Вы тогда внезапно вспомнили, что сталкивались с Фрацценом на улице и обсуждали с ним коллекцию серебряных изделий вашего отца. И упоминали в разговоре свое желание ее продать.

– Правда? – удивилась Мод, широко распахнув глаза.

– Так вы сказали комиссару, – сухо отозвалась Ирен Хюсс.

Мод постаралась придать себе озадаченный вид, хотя прекрасно помнила, зачем на самом деле ей понадобилось звонить комиссару Перссону. Она переживала, что кто-то мог видеть ее вместе с Фрацценом, когда Мод показывала ему серебряный кубок. Они тогда договорились, что торговец придет вечером посмотреть на всю коллекцию, но этот разговор никто не мог слышать. Они стояли вдвоем на раскаленной солнцем улице возле его антикварной лавки. Но ведь кто-то мог заметить их издалека, или увидеть в окно.

– Да… значит, так и было.

– Вы давали ему свой адрес?

– Этого… я не знаю, – засомневалась Мод.

Вновь повисла тишина, и обе полицейских пристально уставились на Мод. Та с ужасом осознала, что ее и в самом деле подозревают. Несмотря на то, что она подчистила за собой все следы. «Гад получил по заслугам!» – подумала Мод, внезапно ощутив прилив гнева. «Заявился сюда и пытался меня провести! Хотел выкрасть мое серебро, ничего не заплатив!» Только вот убивать его Мод не планировала. Он напоролся на ту решетку по чистой случайности.

Мысли бурным потоком неслись в голове Мод, но она ничем не выдавала своего состояния.

– Вы и в самом деле ничего не слышали той ночью, когда произошло преступление? – повысила голос Ирен Хюсс.

– Не нужно повышать на меня голос. Я не глухая, – обиженно проговорила Мод.

По выражению лица высокой женщины, сидевшей по другую сторону стола, было ясно, что та очень хочет снова его повысить. Однако, сделав глубокий вдох, Ирен сумела совладать с собой. Прежде, чем она успела повторить вопрос, Мод заговорила самым дрожащим голосом, какой могла изобразить:

– Я вернулась из Хорватии во второй половине дня. Путь домой занял девять часов. Мне пришлось делать две пересадки. Это ужасно неудобно! Самолет из Сплита вылетает рано, но…

Ее резко оборвала Ирен Хюсс:

– Нам все это известно. Меня интересует только то, что происходило после того, как вы вернулись сюда, к себе домой.

– Когда я вернулась домой… Я вышла купить еды на завтрак. Я так всегда делаю, когда возвращаюсь после долгого отсутствия. В холодильнике ведь пусто. Я была в Хорватии. Неподалеку от Сплита есть небольшой отель, в котором я…

– Это нам тоже известно, – вновь оборвала ее Ирен.

– Правда? Это и в самом деле очень милый отель. Вы и хозяйку знаете? Она…

Мод внезапно замолчала, словно утратив нить беседы. Заместитель комиссара выглядела так, словно уже смирилась со стилем общения старухи, а молодая инспекторша, сидевшая наискосок, продолжала упрямо пялиться на Мод.

– Вы столкнулись с Фрацценом в тот момент, когда отправились за покупками? – задала свой следующий вопрос Ирен Хюсс.

– Так… должно быть, так оно и было. Но я не могу вспомнить…

Помощница комиссара тяжело вздохнула, прежде чем продолжить:

– Ночью вы слышали что-нибудь необычное?

– Нет. Я так устала… дорога… жара. Я рано легла. Приняла таблетку снотворного, как обычно. Я принимаю их, даже если сильно устала, поскольку в противном случае я проснусь в два или в три часа ночи, а потом не смогу уснуть… вот поэтому я постоянно принимаю снотворное. Это очень хорошие таблетки, которые мой доктор…

Мод ни разу за всю свою долгую жизнь не принимала снотворного. У нее был отменный сон. Но полиции знать об этом было необязательно.

– Да-да, и слуховые аппараты вы тоже сняли. А потом вы три ночи провели у себя в квартире, прежде чем позвонить в спа-центр неподалеку от Варберга. Туда вы отправились в понедельник, а в пятницу вернулись домой. То есть отсутствовали пять дней.

– Верно. Очень достойный спа-центр. Рекомендую. Это…

– Но почему вы решили туда поехать так скоро после возвращения из Сплита?

О причинах такого решения Мод уже рассказывала полиции полгода назад. Мод предположила, что сейчас они хотят подловить ее, если она решит изменить показания. Она наклонилась над столом и состроила полную отвращения мину:

– Этот шум… меня разбудил ужасный шум. Рабочие занимались ремонтом фасада. И я решила, что не хочу оставаться дома на неделе. Потому что меня разбудил ужасный шум. Совершенно непереносимый…

– И вы не обошли комнаты, не проверили квартиру, прежде чем уехать?

– Нет. В этом не было нужды. Я не заходила никуда кроме двух комнат, которыми пользуюсь, и этой самой кухни, – отозвалась Мод, обводя вокруг себя трясущейся рукой.

Ирен Хюсс окинула кухню быстрым взглядом, явно отметив старинную деревянную мебель начала двадцатого века.

– Насколько велика эта квартира? – внезапно поинтересовалась Ирен.

– Это не квартира, – высокомерно возразила Мод.

– Разве?

– Ни в коем случае. Это апартаменты!

– Ладно. Насколько же велики эти апартаменты? – вздохнула Ирен Хюсс.

– Около трехсот квадратных метров, – тем же высокомерным тоном отозвалась Мод.

Полицейские переглянулись и практически одновременно поднялись из-за стола.

– Нам хотелось бы еще раз взглянуть на салон, – попросила Ирен Хюсс.

– Но там не на что глядеть. Ничего нет.

– Нам это известно. Но мы хотим посмотреть на то, что осталось. Мебель и ковер.

– Ничего нет, – настаивала Мод.

Она неслышно фыркнула, позабавившись взглядам, которыми наскоро обменялись сбитые с толку полицейские. Мод позаботилась о том, чтобы выражение ее лица не выдавало истинных эмоций.

Друг за другом проследовали они по безмолвным залам, в которых стояла укутанная белыми чехлами мебель. На стенах кое-где висели картины, хотя светлые пятна на обоях намекали на то, что за долгие годы Мод успела продать часть коллекции. Салон располагался в другом конце апартаментов. Мод повернула торчавший из замочной скважины ключ и распахнула дверь. Жестом

она пригласила полицейских войти. Они шагнули через порог, но дальше идти смысла не было.

– Здесь пусто, – констатировала Ирен Хюсс.

– Как я и сказала, – не удержалась Мод.

Помещение выглядело голым. Никакой мебели, никаких картин, исчез даже большой ковер с пола. Единственное, что оставалось на своем месте – тяжелые бархатные портьеры, которыми было убрано окно. На паркетном полу у изразцовой печи виднелись темные пятна. Там-то и была лужа крови, натекшая с головы Фраццена. Большая часть крови, однако, впиталась в ковер.

– Куда делись все вещи?

Молодая инспекторша впервые подала голос. Мод даже не удостоила ее взглядом.

– Проданы. Все пошло с молотка. Гётеборгский аукционный дом.

Это была чистая правда. За исключением одного полотна Андерса Цорна. Мод его очень любила. Она перевесила картину к себе в спальню. Мод знала, что картину можно дорого продать, но она и так неплохо заработала, продав серебряную коллекцию, и все прочее, что было в салоне – вырученных денег ей должно было хватить на несколько лет.

Обе полицейских какое-то время неподвижно стояли, молча оглядывая голые стены и пол. Ирен Хюсс внезапно повернулась на каблуках и уставилась на Мод.

– Это вы ударили Фраццена по голове? Вы не сошлись в цене? Он угрожал вам? – деловито поинтересовалась Ирен.

Мод почти ждала этого вопроса. Она ухитрилась изобразить на лице страх и для пущего эффекта всплеснула руками.

– Но милочка… Я никогда не встречалась с ним у себя дома! Я понятия не имею, как он оказался здесь… или как он… Я ведь и мухи не могу обидеть! Ужасно, что

люди убивают животных. Я хоть и не из этих… вего… веготар… совсем нет! Но я считаю, что если бы люди сейчас стали есть мясо…

Она замялась и обратила на полицейских смущенный взгляд.

Внезапно заместитель комиссара ощутила сильную усталость. Утомленным голосом она проговорила:

– Благодарю. Думаю, мы здесь закончили.

В молчании они вернулись в холл. Ирен Хюсс с вымученной улыбкой поблагодарила Мод за то, что та согласилась с ними побеседовать, и пожелала той счастливого Рождества. Юная Эмбла вновь сверкнула на старуху своими красивыми глазами, но Мод это уже совершенно не волновало.

* * *

Все это произошло уже три дня тому назад, однако Мод все еще слегка потряхивало от пережитого. Она надеялась, что полиция теперь оставит ее в покое, но ведь никогда нельзя быть полностью уверенной. Приятно было просто почувствовать себя недосягаемой для них в предстоящие несколько недель.

Полет до Копенгагена занял всего час. Члены экипажа разносили еду, которая именовалась «рождественским завтраком». «Несъедобно», – про себя вынесла вердикт Мод. Она попросила принести два куска хлеба и не притронулась к содержимому судочков с завтраком.

В аэропорту Каструп[4 - Аэропорт Копенгагена.] до пересадки на рейс в Дубай нужно было переждать всего полчаса.

Ланч на борту самолета авиакомпании «Эмирейтс» был уже совершенно иного класса, нежели недавний убогий завтрак. К трапезе Мод попросила маленькую бутылочку красного вина. После визита полицейских она чувствовала, что это ей необходимо.

После того, как Мод опустошила бутылочку и справилась с десертом – нежной малиново-черничной паннакоттой – ей принесли кофе и мягкое шоколадное

печенье. «Даже перекус у них что надо», – подумала Мод. Или все дело было в коньяке? Начинать путешествие в Южную Африку с красного вина и кофе с коньяком уже за ланчем показалось Мод хорошим предзнаменованием. Счастливым, чего уж там.

Сытая и довольная, Мод откинулась на спинку кресла. Короткий отрезок пути из Гётеборга в Каструп она летела в экономе, но остальную часть долгого путешествия Мод решила провести в бизнес-классе. Это обошлось ей в целое состояние, но похоже, действительно стоило того. Спать в самолете, вытянув ноги, было чудесно. Прежде Мод никогда себе такого не позволяла.

Шум голосов вокруг убаюкивал, и Мод расслабилась. Мысли ее стали рассеянными, и она стала проваливаться в сон.

Несмотря на собственное сумеречное состояние, внезапно сквозь полудрему Мод услыхала спор пары пассажиров, сидевших позади.

Они тихонько препирались по поводу забытых беговых кроссовок.

– Почему ты меня не спросил? Они же стояли в котельной! – возбужденно шипела женщина.

– И в голову бы не пришло, – коротко отозвался мужской голос.

Мод встрепенулась, услышав слово «котельная». Дальнейший ход беседы потонул в гуле других голосов, но слово, которое заставило Мод стряхнуть сон, продолжало эхом отдаваться у нее в голове.

Котельная. Подвал. Угольный подвал.

Мальчишки в угольном подвале.

Мальчишки в угольном подвале

Душераздирающий крик эхом отдавался от стен зданий, окружавших задний двор. Мод оторвалась от вычислений в учебнике по математике и на долю секунды задержала взгляд на небольшой картине, которая висела над ее письменным столом. На картине был изображен златокудрый ангел, который незримо сопровождал маленькую девочку, оказавшуюся на темной лесной тропе.

– Шарлотта, – шепнула ангелу Мод.

Она инстинктивно отбросила ручку и ринулась к окну, которое выходило на задний двор.

Опасения Мод оправдались. Возле мусорных баков, прижавшись спиной к сараю и закрыв глаза руками, стояла ее сестра. На ней не было верхней одежды, одно только тонкое платье. Шарлотта, не переставая, кричала от ужаса. Перед ней стояли братья Аронссон. Младший, Торстен, учился в параллельном с Мод классе, а старший, Алгот, был на год впереди. Он-то и держал крысу. Мальчишка тряс крысой перед лицом Шарлотты и гнусно усмехался. Торстен же стоял к Мод спиной, так что она не могла разглядеть, участвовал ли он в издевательстве над ее сестрой. Наверняка участвовал, потому что Торстен всегда все повторял вслед за Алготом. Травить несчастную Шарлотту было одной из их излюбленных забав. Всем соседям в квартале мало-помалу становилось ясно, что юная женщина нездорова. Мод знала, что люди судачат о ее необычной сестре. Шарлотта страдала от «нервной слабости», как называла это их мама, еще с четырнадцати лет. Проблема была настолько серьезной, что девушке пришлось оставить школу. Единственное, чем она была в состоянии заниматься – игра на фортепиано. Уроки Шарлотте давал на дому частный преподаватель. Учитель сам был известным пианистом и за преподавание просил солидную плату, но родители полагали, что оно того стоило. Все ради того, чтобы старшая дочь могла почувствовать себя хоть немного лучше, пусть даже ненадолго. Когда у нее не было занятий, Шарлотта обычно днями напролет самостоятельно упражнялась в игре. У Шарлотты был большой талант, ей прочили блестящее будущее в качестве концертирующей пианистки. Если бы не эта проблема с нервами… Шарлотта не могла выступать перед публикой. Даже трое членов ее семьи не могли оставаться с нею в одном помещении, когда она музицировала. Чтобы послушать, им приходилось устраиваться в библиотеке, рядом с

музыкальной комнатой, дверь которой оставляли приоткрытой. При этом Шарлотта не должна была никого из них видеть.

Когда Шарлотта не проводила время за клавишами, она не могла найти себе места. Она начинала «бродить», как говорила мама. Это означало, что Шарлотта неприкаянно блуждала по обширному апартаменту. В дневное время она просто перемещалась по комнатам, но когда она ходила по ночам, во сне, все становилось сложнее. Родители велели Мод не будить Шарлотту, потому что это опасно для жизни. Было не совсем ясно, для чьей жизни это представляло опасность, но Мод не посмела переспрашивать. Поэтому, когда в комнату к Мод забредала Шарлотта, она неподвижно замирала в своей кровати, притворяясь спящей. Из-под полуприкрытых век Мод наблюдала, как старшая сестра скользит вдоль стен, что-то тихонько бормоча себе под нос. Глаза Шарлотты были широко распахнуты, и глядели прямо. Время от времени она останавливалась у кровати младшей сестры и наклонялась над ней. В таких случаях Мод заставляла себя закрыть глаза полностью и старалась дышать ровно.

Порой во время своих блужданий Шарлотта покидала надежные стены апартамента. На прошлой неделе она внезапно пропала. Мод вместе с мамой и горничной Хильдой обыскали все укромные уголки. Поняв, что Шарлотты нет дома, мать впала в совершенное отчаяние. Но Хильда, прослужившая в семье уже несколько лет, была женщиной более приземленной.

– Если госпожа согласится проверить чердак, мы с Мод сходим поискать во дворе. Если ее там не окажется, спустимся в подвал, – уверенно проговорила Хильда.

Мать взяла ключи от чердака и на лифте отправилась на верхний этаж, а Мод последовала за Хильдой. Очень скоро они поняли, что в саду Шарлотты не было. Они проверили сарай, в котором смотритель хранил свои инструменты, и заглянули за мусорные баки. С кустов сирени, росшей у ограды, еще во время урагана в канун Дня Всех Святых облетели все листья. Спрятаться там уже не получилось бы. То же со старым вязом, который стоял посреди двора. Его нижние ветви спилили, чтобы никто не смог вскарабкаться по дереву.

Таким образом, все вероятные убежища на заднем дворе были проверены.

– Подвал, – скомандовала Хильда.

Мод решила, что это звучит захватывающе. Ей редко удавалось туда попасть. В последний раз она спускалась в подвал почти два года назад.

«Детям нечего там делать», – обычно говорил отец.

Но сейчас она сможет спуститься вниз и хорошенько все рассмотреть. И Мод в кильватере у Хильды вприпрыжку поскакала вниз.

Лестница, которая вела в подвал, в отличие от главной, была из гранита, а не из мрамора. Стены по бокам от нее хоть и были выбелены известью, но все равно выглядели грязными. Это все из-за кокса, которым отапливался дом – пояснял отец. Грязные от угольной пыли, словно трубочисты, люди перевозили кокс в мешках, на конских повозках. Они сгружали мешки и сбрасывали их в угольный подвал, открыв стальную заслонку на наружной стене дома. Перед угольным подвалом располагалась котельная. В одной из ее стен была стальная дверь, которая как раз и вела в угольный подвал. Через эту дверь смотритель пару раз в день заходил туда, чтобы принести кокса для котлов. С его-то одежды и сыпалась сажа, которая была повсюду на подвальной лестнице. По этой причине бедняге приходилось переодеваться всякий раз, когда возникала необходимость выйти на главную лестницу, если у него было дело к кому-то из жильцов.

Смотритель Старк жил вместе со своей женой в маленькой квартирке, состоявшей из одной только комнаты и спального алькова. В этой квартирке было всего одно выходившее на задний двор окно, а уборная и вовсе располагалась в холодной пристройке. От Старка вечно разило спиртом. Он был вспыльчив, и всегда недоверчиво глядел на Мод, когда та вежливо приседала и здоровалась. Мод слегка его побаивалась. Фру Старк заведовала уборкой лестницы. Она также поддерживала порядок в прачечной и в просторной сушильне, где жильцы развешивали на просушку свое белье. Фру Старк обычно без улыбки кивала Мод, не говоря ни слова.

Хильда и Мод спустились по гранитной лестнице и уперлись в подвальную дверь. Хильда вставила ключ в замок, и отперла ее. В ноздри им тотчас же ударил запах пыли и сырости. Голые лампочки под потолком давали слабый свет. Мод подозревала, что в кладовых хранится масса любопытных вещей, но у нее не было возможности заглянуть туда и все разведать – деревянные двери

были заперты большими навесными замками. Это означало, что Шарлотты там быть не могло.

– В котельную, – скомандовала Хильда, указывая на добротную деревянную дверь. Из кармана фартука она выудила ключ и отперла ее. Там, внутри, стоял гул от трех раскочегаренных отопительных котлов. За толстыми заслонками пылал огонь. Жар этого пламени нагревал аккумуляторную цистерну, которая обеспечивала горячей водой весь дом. Горячая вода также по трубам подавалась в отопительную систему, обогревая жилые помещения. Отец, бывало, говорил, что котельная – это сердце всего дома.

Они принялись озираться вокруг, но очень скоро поняли, что и в котельной Шарлотты тоже не было. Хильда угрюмо ткнула пальцем в стальную дверь:

– Угольный подвал! – пришлось ей повысить голос, чтобы перекричать гул котельной.

На двери не было замка, она открывалась и закрывалась с помощью засова. Он тоже был сделан из металла и на вид выглядел довольно громоздким, однако Хильда справилась с ним без особых проблем. Горничная распахнула дверь, и обе они заглянули внутрь.

«Обычно говорят “темно, как в угольной шахте”, но в угольном подвале темнота ничуть не хуже», – подумала Мод. Хильда нащупала выключатель, и под потолком зажглась одинокая лампочка. На полу были сложены штабеля мешков с углем, а в центре высился настоящий угольный отвал. Туда была воткнута лопата, а рядом стояла в ожидании груза небольшая тачка.

Шарлотты не было и здесь, да они, пожалуй, и не ожидали ее здесь увидеть. Она никогда бы не осмелилась пройти через котельную, в которой стоял такой сильный гул.

С невыполненным поручением и несколькими пятнами сажи на одежде Мод с Хильдой вернулись в апартамент. В холле к ним бросилась мать, со слезами на глазах рассказывая, как обнаружила Шарлотту, свернувшуюся калачиком в углу сушильной комнаты. Там сушились чьи-то простыни, так что она вполне могла и не заметить дочь, спрятавшуюся в темном углу. Сейчас Шарлотта уже была уложена в постель, а мама как раз собиралась на кухню, чтобы сварить для нее

чашку горячего шоколада. Мод тоже получила порцию. Вдобавок она ухитрилась утащить к себе полпакета материного английского печенья. Его Мод припрятала в нижнем ящике своего письменного стола.

Украденное печенье Мод расходовала экономно. Обычно она позволяла себе съесть штучку, когда делала уроки. Вот и сейчас, едва она проглотила последний кусочек печенья, раздался отчаянный крик сестры. Как обычно, Шарлотта выбралась наружу именно в такой момент, когда дома не было ни мамы, ни Хильды! Обе они ушли по делам, и Мод не знала, когда они вернутся. Уже начинало смеркаться, и очень скоро станет совсем темно. Как же спасти Шарлотту от этих двух идиотов? Братья Аронссон были рослыми, а Мод – тоненькой и изящной. Ввязываться в драку не представлялось ей хорошей идеей. Их фантазия на различные проказы никогда не иссякала. Сейчас, должно быть, они заскучали, и решили чем-то себя развлечь…

Тут Мод немного притормозила. У нее возникла идея. Возможно, она найдет способ с ними разделаться.

Мод молнией метнулась в кабинет отца. Сестрам не дозволялось входить туда без его разрешения, но Мод уговорила себя, что в таком бедственном положении можно нарушить правило. Она точно знала, в каком из ящиков отец держал конверты.

Мод подошла к полированному письменному столу красного дерева и выдвинула нижний ящик. На долю секунды она засомневалась. Белый или коричневый? Выбрала коричневый. Отец обычно раскладывал жалованье работникам у себя в конторе в такие конверты.

Держа конверт, словно саблю наголо, Мод выскочила в холл и распахнула шкафчик с ключами. Лихорадочно принялась читать надписи на бирках. Вот они! «Подвал» и «Котельная». Они висели высоко, но встав на цыпочки, Мод смогла дотянуться до ключей. Прежде, чем открыть дверь, Мод скинула домашние туфли и сунула ноги в башмаки. На шнуровку времени не оставалось. Крепко зажав в руке два ключа, Мод спешно прокралась по подвальной лестнице до самого низа, и отперла дверь. Щелкнула выключателем, и в тусклом свете висевших под потолком лампочек ринулась в проход.

Дверь в котельную поддалась легко, а вот со стальной дверью в угольный подвал пришлось повозиться. Засов был очень тяжел, и Мод пришлось изо всех сил напрячься, чтобы его сдвинуть. Дверь немного приоткрылась на скрипучих петлях. Мод замешкалась, не решаясь пролезть в образовавшуюся щель. Если она наступит в угольную пыль, следы неизбежно останутся на ее одежде и обуви. Она наскоро огляделась в котельной и поняла, что выход есть.

Возле одного из котлов стояла тачка, а в ней лежала совковая лопата. Мод положила конверт на лопату. Аккуратно держа в вытянутых руках лопату, она подошла к входу в подвал, и одним точным движением просунула сквозь узкую щель лежавший на лопате коричневый конверт. Тот соскользнул вниз и очутился в куче угля.

Мод не стала полностью закрывать тяжелую стальную дверь, а напротив, оставила ее слегка приоткрытой. Выйдя из котельной, она и эту дверь прикрыла за собой, не запирая.

Шарлотта уже сползла вниз по стене сарая. Рыдания сотрясали все ее тело. Холод и страх делали свое дело. Мод смотрела на нее через глазок входной двери и чувствовала, как в душе вскипает ненависть к обоим братьям. Ее сестра, конечно, была особенной, и даже странной, но никто не должен подвергаться издевательствам от рук двух паршивцев, которые не имеют и малейшего понятия о приличиях.

Прежде чем распахнуть дверь, Мод сделала глубокий вдох. На улице было холодно, а на ней была только кофта. Оба брата синхронно повернули головы, услышав приближающиеся уверенные шаги Мод.

– Неужто это тупая сестрица Фрекен Лунатик пожаловала? – воскликнул Алгот.

Мод остановилась, заставив себя не глядеть на барахтающуюся в воздухе крысу, которую мальчишка вертел за хвост.

– Почему бы вам не помочь мне разыскать папин конверт, вместо того, чтобы ссориться с Шарлоттой? – как можно более ровным тоном произнесла Мод.

Братья переглянулись. Потом Алгот заговорил:

– С какой бы стати нам искать конверт твоего жирного папаши?

Ну вот, сейчас. Ее актерский талант поможет этим бандитам заглотить наживку.

Мод потупила взгляд.

– Папа… потерял важный конверт. Сегодня. Он ходил по всему дому с человеком из страховой компании.

Это даже была не ложь. Просто обход дома состоялся два месяца назад.

– Зачем он ходил по дому с этим парнем? – захотел узнать Алгот.

– Он собирается оформить новую страховку на дом. Поэтому компания должна удостовериться, что все соответствует норме, пожаробезопасность и все такое, – намеренно расплывчато пояснила Мод.

– Поэтому они обошли весь дом?

– Да, от чердака до подвала. И папа потерял жало… конверт, я хотела сказать.

Одним движением Алгот отправил крысу в полет в направлении мусорных баков. Она приземлилась между баками, и со злобным шипением скрылась из виду. Мод украдкой взглянула на сестру. Дрожь усиливалась. Нужно было срочно вести ее домой, в тепло и покой.

– Отчего же твой папаша сам не поищет?

Этот вопрос задал Торстен. Однако у Мод уже был наготове ответ.

– Он не заметил, что конверт выпал из кармана его пиджака, пока не поехал в контору. А там у него назначена встреча…

Да, с кем у него назначена встреча? Это должен быть кто-то хорошо известный. Мод решила импровизировать.

– С бургомистром Баарнхильмом.

– С бургомистром! Брехня! – снова насмешливо процедил Алгот.

– Нет. Папа будет строить новые дома. Новый… район города.

– И где же?

Мод припомнила разговор, подслушанный, когда к отцу приходили приятели. Они сидели в салоне, пили грог и курили сигары. Мод, по своему обыкновению, стояла за дверью и подглядывала в щель между петлями. Никто в комнате не смог бы ее заметить, а она, тем временем, могла видеть и слышать все, что там происходило. Господа обсуждали планы застройки нового городского района, который должен был появиться через десять лет. Этот район должен был вырасти над улицами Террасгатан и Виктор Ридбергсгатан в Юханнеберге.

Мод быстро и уверенно ответила:

– Над Юханнебергом.

– В горах! Да кто там захочет жить!

Загоготав, Алгот ткнул Торстена в бок. Младший брат послушно начал смеяться.

– Речь идет о нескольких сотнях квартир. Много домов. Бургомистр заинтересован в строительстве, потому что Гетеборгу требуется новое современное жилье, – невозмутимо продолжала Мод, не обращая внимания на подколы мальчишек.

Алгот посерьезнел, и зрачки его сузились. Наконец он задал вопрос, которого Мод давно ждала:

– Так что ты говоришь было в конверте?

Мод напустила на себя растерянный вид.

– Я… вообще-то не знаю точно.

– Ты что-то брякнула про жалованье. Там были деньги?

– Да. Или нет! Я не знаю.

Алгот снова ткнул младшего брата в бок. Не сводя взгляда с Мод, он сказал:

– Можешь больше не искать. Теперь мы с Торстеном поищем.

Вот и выход маленькой глупенькой девочки. Мод изобразила на лице облегчение.

– Спасибо! Мама и Хильда скоро вернутся домой, так что мне нужно позаботиться о Шарлотте.

– Давай-давай. Ни слова родителям о крысе, – предостерег Алгот.

Мод послушно кивнула.

– Нужно достать ключи от чердака и подвала, – еле слышно шепнул Алгот Торстену.

Мод притворилась, что ничего не слышит. Когда братья направились к воротам, она окликнула мальчишек:

– Папа думает, что обронил конверт на чердаке!

Мод надеялась, что они начнут поиски именно там, так что у нее будет немного времени, чтобы завершить свои приготовления.

Хильда вернулась домой как раз тогда, когда Мод с Шарлоттой, наконец, поднялись в апартамент. Шарлотта всем весом навалилась на сестру, которая сгибалась под тяжестью ноши.

– Милые мои! Что случилось? – всплеснула руками Хильда, отбросив сумку с покупками.

Мод с облегчением передала груз ответственности Хильде.

– Она вышла в сад. Братья Аронссон напугали ее крысой. А я…

Больше объяснять ничего не пришлось, потому что Хильда, подхватив Шарлотту, уже вела ее к спальне. Там она уложит Шарлотту в постель и приготовит ей какое-нибудь теплое питье. И даст успокоительное, конечно. Через какое-то время Шарлотта спокойно заснет. Она теперь в безопасности.

Мод, крадучись, выскользнула за дверь, которая так и осталась стоять нараспашку. Она просунула руку в шкафчик с ключами и сняла маленький толстый ключ от навесного замка, и тут же принялась сматывать удочки. Прежде чем закрыть дверь апартамента, Мод проверила замок. Потом кинулась вниз по подвальной лестнице.

Когда Мод открыла дверь и заглянула внутрь, в проходе было темно, хоть глаз выколи. Чтобы дверь не хлопнула, Мод ее придержала, так что, когда та закрылась, слышен был лишь тихий щелчок. Она нащупала выключатель и зажгла свет. У Мод уже возникла идея, где можно укрыться. Решительно принялась она отсчитывать двери кладовых. На одиннадцатой остановилась. Это была отцовская секция. Мод отперла массивный навесной замок и заглянула внутрь. Там было достаточно места, чтобы спрятаться. Она придала замку первоначальный вид, но при этом не стала его защелкивать, а просто подвесила на петли. Мод надеялась, что паршивцы Аронссон не заметят, что дверь не заперта по-настоящему. С решительным выражением на лице Мод метнулась назад, к выключателю, и потушила свет.

На мгновение Мод застыла на месте. Вокруг действительно стояла угольная чернота. Глаза никак не могли привыкнуть к такой плотной тьме. Как раз на такой эффект Мод и рассчитывала. Она вытянула вперед руку, и снова зашагала по проходу. По пути она тихонько пересчитывала двери. Добравшись до одиннадцатой, она толкнула ее и шагнула внутрь.

Теперь оставалось только ждать.

Прошло всего несколько минут, прежде чем Мод услыхала голоса братьев. Они, по своему обыкновению, спорили – каждый из братьев пытался первым протиснуться в дверь. Когда она захлопнулась за мальчишками, на несколько секунд воцарилась тишина. Потом раздался панический возглас:

– Да включай уже, черт побери! Включай!

Злорадная улыбка расплылась на губах Мод. Крутыш Алгот боится темноты! После череды криков и проклятий кто-то из них все же нащупал выключатель.

– Чертов идиот! Ты вообще понимаешь, что вначале нужно включить свет, а потом закрывать дверь?!

Голос принадлежал Алготу.

– Но это же ты… – предпринял робкую попытку защититься Торстен.

– Эй! Заткни пасть! Ищи давай! – оборвал его старший брат.

Шаги приблизились к укрытию Мод, и она ощутила, как сердце забилось чаще. К ее немалому облегчению, они прошли мимо.

– Нужно попасть в котельную, – сказал Алгот.

– Она же заперта, – послышался неуверенный голос Торстена.

– Ха! – триумфально завопил Алгот. Он обнаружил, что дверь в котельную была просто притворена. У Мод на радостях чуть не подкосились колени. Паршивцы уже были на пути в котельную. И в угольный подвал. Эта мысль наполнила Мод ледяным спокойствием. Теперь нужно было все сделать правильно.

Мод осторожно выскользнула за дверь кладовки. Тихо прокралась по проходу к двери котельной. Та была полуоткрыта. Едва Мод заглянула внутрь, она увидела, что мальчишки смогли сдвинуть с места тяжелую подвальную дверь, но та не открылась даже наполовину.

– Вот он! Я первый заметил! – завопил Алгот, протискиваясь сквозь щель.

– Нет! Ты меня отпихнул!

Они принялись толкаться в борьбе за то, чтобы первым войти в открывшийся проем. Оба мальчишки видели конверт, лежавший на полу чуть поодаль от входа.

Мод среагировала мгновенно, в несколько больших шагов преодолев по цементному полу разделявшее их расстояние. Изо всех сил навалилась она на стальную дверь, и ухитрилась захлопнуть ее прежде, чем кто-то из братьев понял, что происходит. С засовом пришлось повозиться, но и с этой задачей Мод справилась.

Покидая котельную, Мод слышала приглушенные крики братьев. Она остановилась перед отцовской кладовой и заперла навесной замок. Важно было, чтобы все выглядело, как обычно. Лампочку на потолке она выключать не стала.

Когда Мод вернулась в апартамент, Хильда все еще сидела у Шарлотты. Мод вернула ключи в шкафчик. Потом вышла в коридор и встала около спальни Шарлотты, в дверном проеме. Хильда как раз укладывала свою подопечную в постель.

– Поставить чайник? – спросила Мод.

Хильда вздрогнула, словно успела позабыть, что младшая из сестер тоже была дома.

– О, милое дитя! Если ты будешь так любезна…

– Шоколад, – раздалось откуда-то из-под пуховых одеял.

Определенно, Шарлотте немного полегчало.

По пути на кухню Мод чувствовала радость и облегчение.

Когда большие часы в зале громко пробили шесть раз, вся семья, за исключением Шарлотты, собралась за ужином. Из-за того, что день у сестры

выдался неудачный, ее препоручили заботам Хильды. Та теперь курсировала между кухней и спальней Шарлотты то с теплым бульоном, который больная отказалась пить, то с горячим шоколадом, который Шарлотта с удовольствием употребила. Единственное, что она согласилась съесть – испеченное Хильдой домашнее овсяное печенье с эдамским сыром.

Едва они приступили к ужину, раздался звонок в дверь. Трое сидевших за столом услышали поспешные шаги Хильды, когда та побежала в холл открывать. Через короткое время она возникла на пороге столовой и сообщила:

– Это Старк. Желает говорить с господином.

Отец вскинул кустистые брови, вытащил из нагрудного кармана жилета свои золотые часы и со значением на них взглянул. Крякнув, убрал их обратно в карман. Затем снял салфетку, которая была повязана у него под подбородком, и поднялся на ноги. Мать и Мод сидели неподвижно, вслушиваясь в неясное бормотание, доносившееся из холла. Они не могли разобрать слов, но отец точно несколько раз повышал голос.

В животе у Мод возник холодный комок. Смотритель спускался по вечерам в угольный подвал, чтобы подбросить угля в котлы. Само собой, он обнаружил мальчишек, как и было задумано. На часах была четверть седьмого. Они провели взаперти около трех часов. Что они ему сказали? Комок в животе продолжал расти.

Через некоторое время отец вернулся в столовую. К облегчению Мод, он не выглядел разозленным, скорее – сбитым с толку.

Он тяжко опустился на свой стул, и поднял взгляд на жену и дочь.

– Старк обнаружил этих двух щенков Аронссон запертыми в угольном подвале. Они там играли, дверь захлопнулась, и перекладина засова упала. Когда Старк их выпустил, они вели себя очень смирно. Старк за уши оттащил их к матери. Они утверждают что ты, Мод, обманула их. Якобы они должны были помочь тебе в поисках конверта с деньгами, который я обронил. Что ты на это скажешь?

Комок в животе стал просто каменным, но Мод не позволила эмоциям отразиться на лице. Вместо этого она подняла полный раскаяния взгляд на отца и

заговорила дрожащим голосом:

– Прости, папа, что я солгала. Но это было только ради Шарлотты.

Прежде, чем отец успел вставить хоть слово, Мод принялась пересказывать события прошедшего дня. Она живо описала, как Алгот махал крысой перед лицом у Шарлотты, и в какой истерике та пребывала. Потому Мод и пришлось выдумать историю о том, как любимый папа потерял конверт с деньгами где-то в доме. Это сработало, потому что мальчишки оставили сестер в покое, и занялись поисками конверта.

Мод, к сожалению, пришлось признать, что именно она подстроила братьям ловушку в угольном подвале. Закончив свой рассказ, она посчитала, что будет уместно уронить несколько слезинок.

Отец встал и приблизился к ней. На мгновение Мод показалось, что сердце ее выпрыгнет в горло. Когда же отец наклонился, и ласково погладил ее по волосам, сердце вернулось обратно, на положенное ему место.

– Твой рассказ полностью совпадает с тем, что Старку рассказала жена. Через окно она видела, как братья пугали Шарлотту крысой. Прежде, чем фру Старк сообразила, что можно предпринять, она увидела, что ты подошла и заговорила с мальчишками. Потом они выкинули крысу и ушли, так что фру Старк решила, что причин вмешиваться уже не было.

Отец прервался и откашлялся, прежде чем продолжить.

– То, что ты сделала, было невообразимо… прекрасно.

– Милое мое дитя, не нужно просить прощения за ложь, – вступила мать. – Ты же сделала это из… благих побуждений.

Но мать не бросилась обнимать Мод. Она вообще редко до нее дотрагивалась, лишь периодически задавала трепку за какую-нибудь провинность, таская Мод за волосы или за ухо. Мать бывала ласкова лишь со старшей дочерью, музыкальным гением, который, к несчастью, оказался подвержен «нервной слабости». Так подумала Мод. Но как обычно, ничего не сказала вслух.

Отец вернулся на свое место и засунул за ворот салфетку, но к столовым приборам не притронулся. Он снова перевел взгляд на Мод.

– Да, еще кое-что. Старк сказал, что мальчишки клялись, что на полу в угольном подвале и в самом деле был конверт. Он считает, что они лгут, или выдумывают, потому что никакого конверта сам он там не обнаружил. И при себе у паршивцев его не оказалось. Они так обрадовались своему избавлению, что забыли его забрать, – так они это объясняют. Этот конверт… тебе что-то о нем известно?

– Нет, отец, – сказала Мод, покачав головой.

– Ты все это просто выдумала?

– Да, отец.

– Отлично! Тогда оставим этот разговор.

И отец позвал Хильду, чтобы та принесла ему новую порцию горячей еды.

Однако без внимания происшествие в угольном подвале отец не оставил. На другой день он навестил семейство Аронссон, и предупредил их, что в течение месяца они должны будут освободить жилье. В качестве причины отец озвучил нападение на Шарлотту и игры в подвале, что само по себе было совершенно недопустимо. Это не должно было повториться. В договоре аренды было четко прописано, что «родители и опекуны несут ответственность за недопущение игр малолетних на лестницах, в прачечной, подвальных или чердачных помещениях». Родители братьев Аронссон пренебрегли своими родительскими обязанностями. Могло произойти несчастье. На этом основании семейство утрачивало право аренды жилья в доме.

Фру Аронссон, плача, умоляла отца о милосердии, но тот был непреклонен. Семейство Аронссон должно было уехать.

Мод старалась не попадаться братьям на глаза все четыре недели, остававшиеся до их отъезда. В школе она придерживалась такого же поведения – хоть уроки у Торстена и ее класса проходили на одном этаже, тот тоже явно ее

избегал. Пятнадцатого декабря приехал фургон за вещами семьи Аронссон. Лучше всего для мальчишек было начать посещать другую школу после рождественских каникул.

За день до Сочельника Мод столкнулась со Старком на лестнице. Тот, по своему обыкновению, был хмур, а Мод, по своему обыкновению, вежливо присела и поздоровалась:

– Добрый день, дядя Старк.

– Добрый день, фрекен Мод, – отозвался смотритель.

Прежде он никогда не отвечал на ее приветствие. Мод была настолько поражена, что остановилась посреди лестницы и уставилась на перепачканного угольной пылью человека. Улыбка расплылась на его потрескавшихся губах, обнажив нестройный ряд окрашенных табаком зубов со множеством промежутков.

– Конверты, оказывается, отлично горят в топке, – сказал Старк.

Потом он развернулся и продолжил свой путь вниз, в угольный подвал.

* * *

Мод, вздрогнув, проснулась от ощущения, что над ней кто-то склонился. Сердце забилось быстрее. Она уснула? Где она находится? Кто это смотрит на нее? Мгновение спустя Мод осознала, что рядом стоит стюардесса, а сама она сидит в салоне самолета, который несет ее из Копенгагена в Дубай.

– Все ли у вас в порядке? – вежливо поинтересовалась бортпроводница.

Мод пришлось хорошенько прочистить горло, прежде чем у нее появилась уверенность, что голос не подведет.

– Все замечательно, – ответила она.

– Бокал шампанского?

– Спасибо, с удовольствием.

«Только ради успокоения нервов», – подумала Мод, откидывая маленький столик. Бортпроводница поставила перед ней бокал, и принялась обслуживать следующего пассажира.

Мод глядела на поднимавшиеся к поверхности пузыри. Поверхность. «Воспоминания поднимаются на поверхность», – подумала она. «Вот что происходит, когда ты стареешь».

Она взяла бокал за ножку и сделала большой глоток. Шампанское было не таким холодным, как того хотелось бы Мод. К тому же, оно оказалось чересчур сладким. Тем не менее, платить за него было не нужно, поэтому Мод сделала еще глоток. Когда бортпроводница будет возвращаться, нужно будет попросить заново наполнить бокал.

Воспоминания, да. Многие из них Мод за свою долгую жизнь смогла вытеснить из памяти. Невозможно таскать за собой повсюду такую кучу старья. Иногда приходится предпринимать определенные вещи, чтобы выжить в этом жестоком мире. Особенно если ты женщина, на плечах которой лежит тяжкое бремя заботы о ближнем. Только в случае Мод речь шла не о ребенке, а о взрослой женщине.

Несмотря на то, что ее сестра была на одиннадцать лет старше, после безвременной кончины родителей именно Мод всегда приходилось заботиться о них обеих. Так как родни у них не было, обходиться пришлось самостоятельно. Немногие друзья испарились, потому что психическое здоровье Шарлотты ухудшилось. Этому способствовало, вне всяких сомнений, нежелание сестры встречаться с кем-либо, помимо Мод. И еще Хильды.

Горничную Мод всегда вспоминала с необычным ощущением тепла в груди. Без Хильды никогда бы им не пережить ни военное время, ни первые годы после войны.

Интуитивно Хильда понимала, что больной Шарлотте необходим надежный близкий, по-матерински чуткий человек. Никто в семье не мог ей этого дать, а

меньше всех – мать. Поэтому Хильда совершенно естественно взяла на себя эту роль. Когда умер отец, и грянула война, Хильдина поддержка стала для семьи еще важнее. Мать так и не смогла оправиться после смерти отца, и стала чахнуть. Мод смогла продолжать учебу лишь благодаря тому, что Хильда взяла на себя заботу об обеих болящих.

После смерти матери Мод уже не могла позволить себе платить Хильде жалованье. Но Хильда устроилась ночной сиделкой в больницу Густава Васы, которая находилась на расстоянии вытянутой руки от их квартала. Мод с радостью позволила Хильде и дальше жить в той комнате, которую она занимала все годы службы в семье. Так что если и был на свете помимо Мод человек, которого принимала Шарлотта, то это была Хильда.

Помощь с Шарлоттой была бесценна. Та частенько лежала в постели до самого обеда, в забытьи от своих лекарств. Мод со всех ног бежала домой, чтобы приготовить легкий обед. С Хильдой в доме было гораздо комфортнее. Она могла присмотреть за Шарлоттой в течение дня – когда у нее был выходной, или вечерняя смена. Неоценимо было и ее умение готовить еду впрок на несколько дней – потом ее можно было просто достать и разогреть.

В качестве благодарности за помощь Мод никогда не брала с Хильды платы за комнату.

Поток мыслей Мод прервался, когда стюардесса снова показалась в проходе.

– Я хотела бы еще бокальчик, будьте любезны, – сказала Мод.

Бортпроводница с вежливой улыбкой наполнила бокал. Мод поблагодарила, одновременно пристально разглядывая молодую женщину. Неужто авиакомпании в самом деле нанимают на работу несовершеннолетних?

Мод с удовольствием цедила шампанское. Мысли о Хильде заставили ее вспомнить о возникшей однажды Большой Проблеме, которая угрожала самому существованию ее сестры.

Лечение нарыва наложением ледовой аппликации

К концу войны Мод устроилась работать на Высшие женские курсы преподавать французский, латынь и английский. Хоть вакансия и была временной, срок был немалый – два семестра. Был даже шанс остаться там работать на постоянной основе, в случае если штатный преподаватель, адъюнкт Грета Рапп, решит не возвращаться. Той предложили место в Гетеборгском Университете, и теперь она преподавала французский в Институте иностранных языков, одновременно работая над докторской диссертацией. Очевидно, она была компетентным преподавателем, но ученицы на курсах ее не любили. Мод об этом узнала из кулуарных разговоров. У «старой ведьмы» кто-то ходил в «любимчиках», – уловила Мод. И хоть сама Мод не являла собой блестящий образец поведения в социуме, учительница из нее вышла хорошая. Она никогда никому не демонстрировала симпатий, а ее суждения об ученицах основывались исключительно на их результатах. К тому же, Мод была вполовину моложе Греты Рапп. Мод пыталась компенсировать свои слабые социальные навыки, стараясь внешне стать ближе к молодежи, но при этом оставалась непреклонно справедливой. Последнее было в ее характере от природы, а моложавый вид остался с Мод надолго.

Мод совершенно не разбиралась ни в современных танцах, ни в свинге. Все ее время и силы уходили на заботу о недужной матери и еще более недужной сестре. В то же самое время ей приходилось тяжело учиться, а впоследствии – пойти работать. На ее плечи легла вся ответственность за домашнее хозяйство и жалкий семейный бюджет. Работа замещающим учителем на Высших женских курсах стала для Мод подарком небес. Единственное, о чем она тогда не могла перестать думать – это как бы Язва, как между собой звали Грету Рапп ученицы, не вздумала вернуться.

Чтобы укрепить связь с юными слушательницами курсов, Мод решила положиться на новую моду, которая после войны расцвела пышным цветом. Это стало возможно благодаря соседке – фру Эльзе Петрен, дипломированной швее. Ее супруг скончался от рака сразу после смерти матери Мод, и это сплотило обеих молодых женщин. Эльза осталась одна, с маленьким сынишкой по имени Юханнес на руках. Чтобы как-то выжить на скудную вдовью пенсию, Эльза решила брать заказы на пошив одежды. Мод принесла ей несколько вещей своей матери. Вещи были высшего качества, но скроены еще по довоенной моде.

С размером проблем не возникло – Мод с матерью были одинаково высокими и стройными. И вот вдвоем с Эльзой они погрузились в изучение заграничных модных журналов. Когда они разобрались, что Мод желала получить на выходе, старые материнские костюмы и платья были перешиты для Мод. Результат оказался фантастическим: подплечники исчезли, а старые фасоны юбок уступили место ультрасовременным узким «карандашам». Даже блузы, которые предполагалось надевать под костюмные жакеты, немного видоизменились. Все сборочки и малейшие намеки на кружево были удалены. Мод, ко всему прочему, стала одной из первых обладательниц нейлоновых чулок. По задней поверхности чулка проходил шов, и нужно было следить за тем, чтобы он оставался прямым, как стрела. Скрепя сердце, Мод инвестировала в покупку пары лодочек с каблуком средней высоты. Туфли, даром что купленные на распродаже, все равно были чудовищно дороги. По улице Мод продолжала ходить в своих старых башмаках, но, едва оказавшись в стенах учебного заведения, она переобувалась в лодочки.

Мать частенько говорила, что внешность у Мод «приятная». Это означало, что Мод не обладала какой-то поразительной красотой, но при своих усредненных чертах выглядела вполне мило. Свои волосы медового оттенка она с обеих сторон убирала гребнями. Благодаря тому, что волосы Мод вились от природы, ей не приходилось тратиться на перманент или накручивать бигуди. Немного пудры и красная помада завершали образ.

Ученицы ею в буквальном смысле восторгались. Они считали, что Мод отвечает вызовам нового, послевоенного времени. То были надежды на будущее, молодость, растущая власть красоты над умами. После тьмы военных лет особенно остро ощущалась жажда лоска и наслаждений.

Мод нравилось преподавать, да и вообще находиться в школьной среде. Запах мела и моющих средств, которые уборщица добавляла в воду, когда мыла покрытый линолеумом пол в классе, вселяли в душу Мод спокойствие. Дома, в мрачном апартаменте, ее ждали лишь ежедневная рутина и перспектива бдения над недееспособной Шарлоттой. Не было времени ни на развлечения, ни на встречи с друзьями. Истина заключалась в том, что близких друзей у Мод и вовсе не было. Единственная женщина, которую она могла называть подругой – швея Эльза. Так как молодая вдова находилась в том же положении, что и Мод, никаких развлечений не было у них обеих.

Коллегам на курсах Мод никогда не рассказывала правды о своей одинокой жизни. В учительской она вела себя скромно. Она старалась выглядеть открытой и улыбчивой, но из-за того, что Мод в принципе редко вступала в разговор, коллеги зачастую о ней забывали. Ей ничего не стоило тихонько сидеть за столом, поддерживая благопристойный внешний вид, но социальное взаимодействие было для нее совершенно неизведанной территорией. А так как Мод в коллективе была самой младшей, от нее никто и не ожидал самостоятельности в суждениях. Мод такой расклад полностью устраивал.

Облегчение, которое испытала Мод, когда ей продлили контракт еще на один семестр, было буквально головокружительным. Она лелеяла эту надежду, но не смела ей поверить. Преподавая одновременно французский, латынь и английский, Мод имела полную ставку, а потому – приличное жалованье. Оно было ей необходимо. Ей было комфортно на работе, и ученицам она нравилась. Может быть, был шанс, что Язва так и останется в университете? В лучшем случае – до самой пенсии.

Иногда у Мод возникала мысль, что жизнь, наконец, повернулась к ней лицом. Это ощущение длилось вплоть до последних дней осеннего семестра.

Перед Рождеством, после подведения в актовом зале итогов семестра, коллектив, по традиции, собрался в учительской, чтобы выпить кофе с имбирным печеньем. Когда все пожелали друг другу счастливого Рождества и стали собираться по домам, ректор Экман попросила Мод пройти к ней в кабинет. Мод тотчас насторожилась. Чего хочет страшная тетка? Кто-то из учеников на нее пожаловался? Вряд ли. Тогда кто-то из коллег? Нет, Мод не могла припомнить, чтобы нанесла кому-то обиду. Внезапно ее пронзила мысль: вдруг ректор собирается предложить ей постоянную работу? Она станет ведущим преподавателем французского. Какой удивительный рождественский подарок! Эти мысли помогли Мод собраться с духом. Теперь она следовала в кабинет ректора Экман в предвкушении.

Ректор уселась в удобное конторское кресло и указала на простой деревянный стул по другую сторону своего стола.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала она.

Прежде чем присесть на самый краешек стула, Мод предусмотрительно одернула юбку.

Начальница какое-то время молча глядела на Мод. А потом заговорила дружеским тоном:

– Послушайте, Мод. Вы отработали у нас уже три семестра. Я очень довольна вашей работой, вам стоит это знать. Однако…

Она взяла короткую паузу. Мод ощутила, как сердце бешено забилось, но старалась не показывать своего замешательства.

– …однако ситуация складывается таким образом, что в весеннем семестре вновь выходит на работу адъюнкт Рапп. Она заберет себе все часы французского. Все, что мы можем – предложить вам постоянную работу преподавателем английского языка. И я на самом деле надеюсь, что вы согласитесь. Вы получите также пять академических часов адъюнкта Телландер, она поменяется с вами на латынь.

Последнее предложение сопровождалось намеком на улыбку. Мод подумала, что улыбка на этом лице – нечастая гостья, потому что очень скоро она растаяла.

Мод сидела, словно громом пораженная. Биение сердца отдавалось у нее в ушах, и она с трудом могла сосредоточиться на словах ректора. Словно поле зрения Мод внезапно сузилось, и женщину напротив она видела теперь сквозь окуляры перевернутого бинокля. Забавно, но только сейчас Мод обратила внимание, что у ректора Экман росли самые настоящие усы. Серые, толстые волоски, словно… Что там говорит эта ведьма?

Мод сделала глубокий вдох и попыталась взять себя в руки. Ректор сказала, что Язва намерена вернуться и забрать у Мод все часы французского. Латынь получит адъюнкт Телландер и, так как та является ведущим преподавателем немецкого, все эти часы она тоже, разумеется, сохранит.

От латыни Мод могла бы отказаться, но отобрать у нее французский? Эта рана была смертельна. Французский был самым популярным языком среди учениц, вторым по популярности шел немецкий. Английский в те годы все еще был относительно мало распространен.

Постоянная работа учителем английского… звучит неплохо, но учитывая небольшой размер учебного заведения, нетрудно было догадаться, что на полную ставку часов не хватит.

Мод откашлялась и ухитрилась выдавить:

– Так… преподавание английского – это постоянная работа?

– Да. Нужно будет уладить кое-какие формальности, но мы с этим разберемся. Никто из ваших старших коллег не хочет брать английский.

Первоначальный шок уступил место ледяной ярости. Она распознала это чувство, помня, что нельзя показать и доли своих переживаний. Если они вырвутся наружу, велик риск, что Мод перепрыгнет через стол и выцарапает глаза ректору Экман. На пару мгновений она замерла, сидя на стуле. Ее постепенно наполнял гнев, но ледяное спокойствие никуда не делось. Внезапно в мозгу Мод, который тут же принялся обсчитывать возможные ходы, что-то щелкнуло. Нет, ректор – не тот человек, с которым нужно сводить счеты. Ее цель – некто другой. Гнойный нарыв, вызревающий под крышей школы.

Мод поднялась на ноги и протянула руку:

– Благодарю! Я с радостью соглашусь на должность преподавателя английского языка, – с улыбкой произнесла Мод.

– Вот и замечательно, – отозвалась мадам ректор, пожимая протянутую руку.

Рождество прошло как обычно. Мод купила подарки Шарлотте с Хильдой. Себе она тоже по традиции купила подарок сама, будто бы он от Шарлотты. Сестра имела смутное представление о Рождестве. Иногда, впрочем, она оживала, и интересовалась, почему в большом зале нет елки. В последние годы Мод всегда отвечала одинаково:

– Все елки закончились. Мы можем зажечь свечи.

Так они поступили и в этот раз. Они поставили два массивных серебряных подсвечника на кухонный стол, потому что в столовой для трех человек места

было чересчур много. В Сочельник у Хильды была ночная смена в больнице, но прежде, чем идти на работу, она успела отведать рождественский ужин вместе с сестрами.

Шарлотта, как обычно, получила в подарок новые ноты. Большинство ее старых тетрадок были сильно потрепаны. В этой новой нотной тетради были несколько наиболее известных произведений Шуберта – тех, что нравились Мод. Себе и Хильде она купила по паре настоящих нейлоновых чулок. Хильда, открыв упаковку, от восторга залилась румянцем. Ей было слегка за тридцать – столько же, сколько Шарлотте – и выглядела Хильда моложаво. У нее была стройная фигура, движения ее были полны энергии, а вокруг нее всегда создавалась атмосфера покоя и уюта. Хильда была блондинкой с высокими скулами и голубыми глазами – настоящий нордический тип. Сама Хильда утверждала, что ее родители были финнами.

Однажды летом Хильда на недельку уехала в Вермланд, в маленькую деревушку, в которой выросла. Возвратившись в Гетеборг, она выглядела счастливой и отдохнувшей. Практически сразу после ее возвращения полетели письма, как минимум по одному в неделю. Каждый раз, когда в почтовом ящике обнаруживался конверт с именем Хильды, глаза ее вспыхивали. На прямой вопрос Мод Хильда призналась, что во время коротких летних каникул в местах своего детства она встретила мужчину. Он оказался новым священником в местной общине. Хильда смущенно улыбнулась. У Мод скрутило живот. Если этот роман продолжится, скоро Хильда от них уедет. Выйдет замуж за пастора и вернется в Вермланд. И Мод ничего не сможет с этим поделать.

Однако у Мод были и более насущные проблемы. 29 декабря она получила письмо от ректора Экман. Там было новое расписание Мод. Она тут же кинулась считать часы. Все оказалось хуже, чем она могла предположить – количество часов упало более чем наполовину. Соответственно, и жалованье Мод должно было снизиться в той же пропорции. Но это было попросту неприемлемо! Это была катастрофа!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Национальный парк Крюгера является крупнейшим и старейшим национальным парком ЮАР. Хорошо известен, как один из важнейших мировых охотничьих заповедников. Расположен в северо-восточной части страны на территории провинций Лимпопо и Мпумаланга.

2

Традиционное название пяти видов млекопитающих, являющихся наиболее почетными трофеями африканских сафари – слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

3

Город в Хорватии.

4

Аэропорт Копенгагена.

Купить: https://tellnovel.me/ru/tursten_helena/freken-mod-prosila-ee-ne-bespokoit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить